

# Было, есть и будет

## Рассказ

Я ДАВНО ПОНЯЛА, что меня много. Нет, конечно, для всех я одна — Лена Холикова, с длинной чёлкой и полосатым рюкзаком через плечо. Но внутри меня, существует несколько Лен. Каждая из них не похожа на предыдущие: в институте видят одну Лену, друзья общаются со второй. Дома с мамой я совсем другая, а когда задумываюсь или сижу в одиночестве, я необычная, но, мне кажется, что именно тогда я настоящая, такая, какая должна быть везде. Но быть одной и той же у меня не получается. Наверное, у всех людей эта же проблема. Я спускаюсь по эскалатору и разглядываю пассажиров. Вообще-то задерживать взгляд на постороннем человеке не позволяют правила приличия, но в метро они не действуют — что ещё там делать, пока едешь! Поэтому я всегда спускаюсь и смотрю.

Поникшие, уставшие, разочарованные и печальные, в очках и без них, накрашенные и просто такие, какие есть, — в то утро, как обычно, сотни людей ехали на работу. Я вглядывалась в

их лица и пыталась понять, что чувствуют люди, и сколько в них скрывается других людей.

— Знаю! Знаю! — неожиданно закричала Сонька, стоящая рядом со мной. — Я знаю, куда мы поедем! — и замахала свежим выпуском газеты «Метро».

Я безо всякого энтузиазма раскрыла первую страницу и прочитала: «Генеральная репетиция международного конкурса Евровидение-2009 состоится сегодня в СК «Олимпийский»...».

— Ты дальше, дальше читай!

«На просмотр концерта привезут школьников из Москвы и области...».

— Халя-ява!

«Перед ними совершенно бесплатно выступят лучшие звёзды нашей эстрады...».

— Ну и что? — спросила я, не решаясь озвучить мысль.

— Едем?

— В Олимпийский? А институт?

— Ды — не выгонят! Поехали, а? Такое раз в жизни. Ну пожа-алуйста, — канючила Сонька.

Я закинула поудобнее рюкзак и представила, сколько пар мы пропустим. Сегодня новая постановка должна быть. Не догоним ведь. Осо-

бенно глупо было вчера полночи готовиться к истории, чтобы блеснуть сегодня...

— Ладно, едем, — согласилась я.

— Ура-а!

Сонька стала подпрыгивать на ступеньке, хлопать в ладоши, не замечая удивлённых взглядов со стороны, и чуть было не споткнулась, когда неожиданно закончился эскалатор, и надо было переступить на платформу.

Мы учились с Сонькой второй год в Педагогическом институте на преподавателей рисования, изошек, как нас все называли. Сами не знали, зачем учимся, и что с нами будет после института. Это казалось слишком далеким будущим. Пока можно было просто наслаждаться жизнью. У моей подруги это получалось гораздо лучше, чем у меня. Я была рациональной частью Соньки. Я давала ей советы, и она меня слушала. Я её одёргивала, и она угомонялась, я ей подставляла плечо, и она отчаянно редела из-за своих совсем ещё детских обид — не заметил, не пригласил, не поздравил... Даже странно, что такое существо, как Сонька — комочек энергии, непосредственный и забавный, — дружило со мной, флегматичной и вечно загруженной своими мыслями. По утрам во мне совершенно не было сил. Я с трудом вставала и заставляла себя идти в институт. Спускалась в метро и видела таких же уставших и поникших людей и совсем не понимала, зачем всё это нужно, зачем они так живут и мучаются. И что их только держит в этом огромном городе. Если бы не институт, я бы...

Я вспомнила день своего отъезда в Москву. Мама стояла на вокзале и махала мне рукой. Натянута улыбалась. Как будто ей было весело... Мне казалось, что больше ничего на свете нет. Только мама и вокзал, тот самый, на который я любила приезжать и который я всегда ненавидела в день отъезда. Я садилась в поезд. Мама стояла на платформе, крестила меня. Раньше я сопротивлялась, но тогда стерпела. Пусть делает так, как ей нравится.

На стенах спорткомплекса красовались странные плакаты — полуобнажённые женщины с разноцветными волосами. Человек на страховочном поясе висел под крышей здания и расправлял складку на полотне, чтобы разгладить перекошенную щеку у модели. По правую сторону на площади выстроились в ряд машины скорой помощи. Около входа — милицейские автобусы. Олимпийский был оцеплен. Мы подошли к центральной двери, охранник сказал, что ничего не знает про репетицию. Рядом с ним

рабочие собирали турникеты. Они даже не захотели нам отвечать. То же самое было и у другого входа — мы пытались выяснить хоть что-нибудь, показывали газету, но на все наши вопросы охранники пожимали плечами.

Отчаявшись, мы расстелили газетку на бетонный выступ около стены спорткомплекса и сели передохнуть.

— А если они уже выступают... — начала Сонька трагическим голосом, — а если мы опоздали. Вдруг детей привезли рано утром?

— Да какой дурак к ним утром поедет!

— Все поедут... А потом рассказывать будут. «Фабрику» живую видели. Мангу...

— Ды кому рассказывать?

— Хоть кому... Думаешь, много у тебя в жизни такого будет? Потом окажется, что и рассказать нечего.

— Да ладно тебе, приедут они. И вообще, если бы они были уже там, здесь бы автобусы стояли.

Мой последний аргумент немного утешил Соньку. А тут к нам парень подошёл познакомиться. Бритый, похожий на зека, с красноватыми глазами — либо не выспался, либо напился. Сонька сразу оживилась, вынула из-под себя двойной газетный листок и расстелила ему.

— А кого такие красавицы ждут?

— Евровидение!

— Евровиденье? — растягивал парень.

— А как звать-то?

— Со-оня.

— Ох ты! — непонятно чему обрадовался он. — А тебя?

— Никак.

Я отвернулась. Парень достал из кармана сигарету и закурил.

— Здесь репетиция должна быть. Что-нибудь знаешь? — спросила его Сонька.

— Репетиция?.. Хм... Не слышал. Но вы всё равно зря так рано. Репетиции обычно вечером бывают.

— Вечером?.. — поникла Сонька.

— После четырёх где-нить. Только вас всё равно не пустят. Нас-то никогда не пускают, а мы свои — работаем здесь, я вот в охране второй месяц, — и всё ближе, ближе к Соньке поддвигается.

— Давай ещё раз обойдём? — предложила я подруге.

Но Сонька посмотрела на меня таким взглядом, как будто я враг народа.

— Иди сама. А я пока посижу.

Идти мне не хотелось. Я просто так сказала, думала, надо её спасти от докучливого собесед-

ника. Но, оказывается, ошиблась. Соньке было вполне комфортно общаться. Оставаться на месте гордость не позволяла.

Я демонстративно поднялась и пошла вдоль Олимпийского.

В ту секунду я поняла, что Сонька мне не подруга. И вообще у человека никогда не может быть настоящих друзей. Он неизбежно одинок в этом мире. Я иду, а Сонька даже не предполагает, что у меня творится на душе. Каждый закован в себе, с рождения и до самой смерти он остаётся один на один с собственным сознанием. Оттого у людей в метро печальные лица. Их никто не понимает. Они не хотят в это верить, но чувствуют, что в многомиллионном городе они по-прежнему одни. И никто в них не нуждается. У каждого своя жизнь и свои переживания.

Я вспомнила глаза собаки, которую видела у выхода из метро. Она страдала от одиночества. Она сидела на проходе, и все люди были вынуждены её обходить. Огромная рыжая собака. Она ждала, что её спасут. А люди безразлично проходили мимо, не удосуживаясь даже повернуться. С каждым промелькнувшим человеком собака понимала собственную обречённость. Мы встретились взглядами. За эту секунду я успела почувствовать, что брошенная собака гораздо лучше меня, ей так мало надо в этой жизни. У меня есть всё необходимое — еда и съёмная комната, но я не умею радоваться. У собаки приподнялись висячие уши и дёрнулись лапы. Она готова была сорваться и бежать за мной, чтобы никогда больше не быть одной. Но в последний момент я опустила глаза и прошла мимо. Собака поняла, что я такая же, как все, что в этом мире ничего не стоит ждать. Я её разочаровала.

Возбуждённое сознание не позволило мне заснуть в ту ночь. Я молилась, чтобы поскорее наступил конец света. Люди разучились любить и понимать окружающий мир. Дальше некуда.

...Но наступило утро.

Все мысли растворились. Я пошла в институт, сидела на лекциях и ни о чём больше не вспоминала.

— Лен, Ленка! — запыхавшаяся Сонька толкнула меня в спину. — Он сказал, что охранники нас не пустят. Там к тому же эти дебильные турникеты поставили.

— Телефончиками обменялись?

— ...Какими?

— Обыкновенными.

— Ты про него что ли?

Молчу.

— Нужен он мне.

— Я и вижу, как нужен, — обиженно ответила я.

— Ну Ле-ен, чё ты...

— Ладно, что там?

— Он сказал, что с той стороны Олимпийского проводится какая-то книжная ярмарка, нам можно зайти на неё, а потом как-нибудь улизнуть на склад. Послезавтра финал Евровидения. Посидим там, а как всё начнётся, выйдем в зал!

— Два дня на складе?

— Почему два? Один день и две ночи... И ещё полдня.

— Без еды?

— Ну... потерпим.

— Не пойду, — наотрез отказалась я.

— Ну один ра-аз... Там «Фабрика» будет.

— Не пойду.

— Ну Ле-ен...

— Отстань.

— Ну...

— Сама иди.

— Ну как хочешь. Я тебе предлагала!

Сонька развернулась и пошла к Олимпийскому. Я — в противоположную сторону.

Обогнула площадь и увидела вдалеке, около сквера, толпу людей. Направилась к ним.

На скамейке сидел бомж в потрёпанной куртке, смотрел под ноги и улыбался всеми морщинками на лице. Около него в песчаной луже плескался воробей. Он неуклюже чистил свои пёрышки на крыльях и хвосте, хмурился от усердия, его глазки блестели на солнце. Взрослый, потрёпанный жизнью мужчина умилялся, видя перед собой птенчика.

Как мало нам требуется для радости! Совсем ничего. Только умение видеть и понимать настоящее, выделять из жизни главное.

Когда-то давно я осознала, что каждый рождённый человек уже счастливый. Радость преследует его всегда. Дети это знают. Только с течением времени почему-то мы забываем самое главное.

Когда мне было пять, а может, семь лет, я пообещала себе никогда не потерять это ощущение счастья. Я рассказала обо всём, что чувствовала, подруге со двора. Она в ответ только посмеялась. Стало грустно. А в школе меня за это прозвали «философом». Мне показалось, что это обидно. И я стала бегать за всеми, кто обзывался.

А, собственно, в чём тут дело... Человек должен быть безмерно благодарен тому, что он родился, что ему предоставилась возможность видеть красивый мир вокруг себя. Мне было не понятно тогда, мне не ясно и сейчас, для чего люди

носят солнечные очки и искажают действительность. Мне не хватает двух глаз, чтобы успеть насладиться всем, а люди заслоняют от себя последнее. Даже когда я выросла, всё равно всегда себя чувствовала маленьким ребёнком, которого возят на колясочке, а он озирается с искренним любопытством и восхищением по сторонам.

Но чтобы коляска не раздавила случайно пробегающего по своим делам муравья, чтобы не помяла ни один листик, я хочу быть подвешенной в воздухе в гигантском прозрачном шарике, пузырьке, чтобы с меньшим вредом для остальных летать и смотреть на всё, что нас окружает. А окружает нас множество красивых вещей. Что-то мы не в силах создать — небо, цветы, зверей... А что-то вполне можем. Мы с Сонькой, например, учимся рисовать. И если одна из нас нарисует что-нибудь стоящее, то эта картина будет для людей чудом, сольётся с тем же самым прекрасным миром и станет его составляющей. Все смогут любоваться и вновь радоваться, что они живут и видят это. Мы не имеем право обижать других — вдруг именно они призваны украсить этот мир. Вдруг именно им дозволено действовать. А нам, неспособным, сидеть в своём шарике и любоваться, любоваться, насколько красив и захватывающе необычен этот мир.

Подбежала Сонька.

— Лен...

— Чего?

— Я не пойду без тебя.

— А как же твоя Манга?

— Я хочу с тобой на неё, — насупилась она. — Давай ещё до вечера подождём. Они приедут.

— Ну давай.

— А что это там? — она махнула рукой в сторону толпы людей.

— Не знаю. Самой интересно.

— Пойдём, посмотрим.

Мы подошли к крайнему мужичку, низкорослому, как ребёнок. Мне понравились его гусарские усы и лопнувшие на месте гибов ботинки. С таким можно запросто поговорить.

— Не подскажите, сколько время? — спросила Сонька.

— Без часов, — он развёл руками. — Счастливый значит! А вы что — тоже что ли?

— Что?

— Я вас не видел раньше. Тоже стоите?

— Ну да... А что здесь такое?

— Ждём!

— Кого ждёте?

— Как кого!? — высказал мужик неподдельное удивление. — Его!!

— Мессию? — пошутила Сонька.

— Тьфу ты! Вы как с другой планеты! Да Тимати должен приехать, — мужик до сих пор не понимал, что мы всерьёз. — Тимати на своей оранжевой машине.

Я имела смутные представления, кто такой Тимати — маленький негрёнок, который поёт реп, — но как-то не хотелось верить, что все ждут именно его.

— А что он здесь концерт давать будет? — робко спросила я.

— Да нет. Он в церковь приезжает. Молиться. И деньги раздаёт. Кому по тысячи, кому по пятьсот. Прямо кошелёк вынимает и вот так раздаёт, — мужик показал, как Тимати раздаёт деньги. Это было похоже, на засев огорода зерном.

— Ммм... — у Соньки надулись губы. Она зашептала мне в ухо. — А может, ну его, Евровидение. Давай лучше здесь постоим. Там не заплачат. А здесь хотя бы деньги будут.

Я задумалась... Пятьсот рублей в день — неплохо. Особенно если учесть, как мы пытаемся подрабатывать. Сонька — ночным барменом в круглосуточном кафе. Я — репетитором рисования у одной пятилетней девочки. Деньги нужны нам обеим.

— А, давай! — поддержала я.

Пока стояли в толпе, выяснили, что Тимати приезжает сюда один-два раза в неделю на своей оранжевой машине. Такой машины нет ни у кого в Москве! Он специально её в апельсиновый цвет выкрасил, чтобы не угнали. Тимати очень верующий, это следует из величины золотого креста, который он надевает поверх одежды. Ещё Тимати уважают все священники. Он отдаёт много денег на восстановление храма. Проблема только в одном — никто не знает, когда он приедет, вот и ждут его здесь день и ночь на протяжении всей недели.

Мы прикинули с Сонькой — если по пятьсот рублей два раза в неделю, то в месяц наберётся четыре тысячи — неплохая прибавка к стипендии. Надо стоять, что бы не случилось, стоять.

Через час от усталости мы опустили на корточки и ждали так. А ещё через полчаса, когда окончательно затекли ноги, мы отошли к каменному заборчику у церкви и присели около него. Так было удобнее.

Солнце зашло за купола, и от них по площади потянулась длинная тень. Голуби топтались по асфальту. Изредка проходили люди.

Казалось, что так было всегда — церкви, голуби, люди. И даже когда нас не будет, станут жить совсем другие люди, всё равно также будут стоять церкви, а возле них будут бегать серые голуби.

И, наверное, все люди, которые когда-нибудь стояли возле церковного забора и смотрели на голубей, думали о том же самом. Мне приятно переживать заново их мысли.

Помню, мама рассказывала мне историю о моей прабабушке. А я пыталась себя представить в этой старушке и почувствовать, что переживала она в то время. Но у меня не получалось. Может, оттого, что я почти ничего не знала про неё...

Я знаю, что её звали Ксения и знаю один факт из жизни, который позволяет моему воображению нарисовать её. Прабабушка жила в маленькой умирающей деревеньке. Всю свою жизнь, до глубокой старости она вставала рано утром, до рассвета, и плыла на лодке в соседнее село, где стояла церковь. Прабабушка не пропустила ни одной службы. Всегда попевала к началу. Она всё время у меня перед глазами. Дряхлая худенькая старушка в зелёной кофте гребёт вёслами и разбивает лунное отражение в реке... Она молилась за всех нас, даже когда мы ещё не родились. А где она теперь?

Я вглядываюсь в небесную вышину, по которой плывут степенные облака, и представляю прабабушку, которую никогда не видела. Мне не кажется это сверхъестественным, что где-то там, сверху, живёт она и остальные люди. Они знают о нас, молятся и просят.

Я живу в городе, где церкви на каждом шагу, но никак не могу зайти и просто поставить свечку за всех, кто был до меня. За прабабушку.

Я стала другой. За последнее столетие всё стало другим.

А каким будет тот мир, в котором будут жить мои дети? Церкви останутся прежними, я в этом уверена. Но вот сочтут ли люди будущего возможным зайти туда и помолиться, вспомнят ли нас? Найдут ли за что вспомнить?

Надо им всё объяснить... Надо, но я не умею. Я не могу выразить словами всё то, что чувствую. Я умею только молчать. Наверное, я должна была родиться немой, но в последний момент Господь наградил меня голосом, чтобы я смогла сама себе покупать в магазине краски и наконец-то выучилась на эту изюшку.

— Слушай, Лен, а Бог есть?

Я испуганно посмотрела на Соньку. Думала, шутит. Но она не улыбалась.

— Наверное, — пожала плечами.

— Тогда давай зайдём, — она указала в сторону входной двери.

— Зачем?

— Ну ты знаешь, что сделать, чтобы исполнилось желание? Ну там свечки поставить, ещё что-то.

— А чего ты хочешь?

— Того же самого. Или ты до ночи собираешься здесь стоять?

— Не собираюсь.

— Идём тогда?

— Идём.

Народу в храме было немного. В основном стояли у алтаря.

Купили по свечке, поставили их у образа Божьей Матери. Я забыла даже про желание. Зато Сонька долго выговаривала просьбу, беззвучно шевеля губами.

Бабушка в чёрном собирала огарки с подсвечника, неодобрительно поглядывала на нас и ворчала, что мы в штанах и без косынок. А это вообще недопустимо. «Вот вселится бес, буде знать, что это!».

Стало неловко за наш вид: кофты со стразами, джинсы, у Соньки вообще разрез на спине, и плечо совсем оголилось.

— Пойдём, — потянула её к выходу.

— А теперь он приедет? Мы всё правильно сделали?

— Да приедет, приедет.

На улице было куда комфортнее стоять, здесь мы не привлекали внимания.

Толпа ожидающих заметно увеличилась. Наверное, некоторые подошли после работы. Сонька забеспокоилась, что на всех не хватит денег. На этот раз я не стала её разубеждать. Мне и самой так казалось.

Возле Олимпийского остановились длинные автобусы. Из них высыпали школьники с разноцветными ранцами. Началась толкотня. Бежали взволнованные учителя, успокаивали детей. Мы наблюдали за ними через площадь. Вот им раздали билеты, и они выстроились в очередь перед турникетами, чтобы, наконец, зайти внутрь и увидеть на большой сцене звёзд. А там и «Фабрика», и Манго, и Джокер... Сонька чуть не плакала. Я сидела в метре от неё, облокотившись спиной о забор, составляла из камушков бессмысленную картинку и думала, что всё у нас идёт не так, как должно быть. А вдруг сейчас, в эту секунду, на нас смотрит Бог и скорбит оттого, что мы такие. Мы не сможем оправдаться — не получится. Почему-то стало грустно.

Толпа людей вглядывалась в поток машин и всё ждала, ждала, когда же в нём мелькнёт заветное оранжевое пятно.